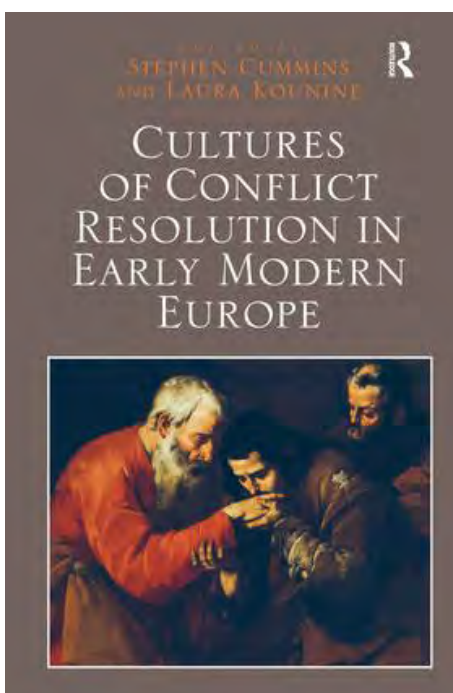

РЕЦЕНЗИИ

**Cultures of Conflict Resolution in Early Modern Europe /
Stephen Cummins, Laura Kounine (Eds.).
Routledge, 2015. — 304 pp.¹**

Сборник статей «Культуры разрешения конфликтов в Европе на рубеже Нового Времени» представляет собой результат плодотворного сотрудничества между историками права, социально-политическими историками и юридическими антропологами. В исторических нарративах о развитии европейских обществ этот период обычно характеризуется развитием судебной системы, установлением монополии государства на насилие, прекращением феодальных междоусобиц. Две классических работы Йохана Хейзинги «Осень Средневековья» (1919)² и Норберта

¹ © Н.В. Гордийчук, 2017.

² Есть русский перевод. См. *Хейзинга Й. Осень средневековья*: Соч. в 3-х тт. Т. 1: Пер. с нидерланд. Вступ. ст. и общ. ред. Уколовой В.И. М.: Прогресс—Культура, 1995; М.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2013.

Элиаса «О процессе цивилизации» (1939)³ показали в свое время, что этот процесс был сопряжен с существенным изменением эмоциональных режимов — от более острых, контрастных, связанных с частыми вспышками насилия к сдерживанию аффектов и росту самоконтроля индивида. Современные исследователи, однако, чаще всего относятся к этой стройной схеме с большой долей скепсиса: большое число узкотематических работ по практикам разрешения конфликтов (а также и по истории эмоций), появившихся за последние 30-40 лет, дают намного более противоречивую и сложную картину. Своего рода вехой в формировании этого междисциплинарного исследовательского поля стала публикация в 1983 г. сборника «Споры и решения: Закон и человеческие отношения на Западе» (“Disputes and Settlements: Law and Human Relations in the West”) под редакцией Джона Босси⁴, в котором были намечены основные направления исследований на стыке истории и юридической антропологии.

Книга «Культуры разрешения конфликтов...» разделена на три части. Введение и первая часть («Переосмысляя споры и решения») посвящены обзору исследований последних лет и теоретическим проблемам изучения юридических практик прошлого. Постоянный поиск баланса между историей норм права и историей правоприменения, реальных практик разрешения споров (легализм vs процессуализм), проблематизация понятия «правового» и самого предмета исследований в юридической антропологии, интерес к лингвистическим аспектам правовых процедур и усиление интереса к практикам незападных обществ, развитие концепции правового плюрализма — таковы современные тенденции, о которых размышляет Джон Джордан в статье «Переосмысляя споры и решения: как историкам использовать юридическую антропологию». Во второй статье раздела Марко Каварцере делает ряд интересных замечаний о терминологических и концептуальных различиях итальянской, британской и американской историографических традиций в связи с развитием государства и права на рубеже Нового времени. Вторая часть («Медиация, примирение, сосуществование») объединила статьи, посвященные процедурам разрешения споров и практикам мирного сосуществования, а в третьей части обсуждаются темы, связанные с судебным разрешением споров. Для медиаторов несомненно представляет наибольший интерес вторая часть книги, которая позволяет взглянуть на исторические корни современной медиации. Поэтому рассмотрим более подробно некоторые наиболее интересные статьи из этой части сборника.

Статья Кристиана Шнайдера (“Types of Peacemakers: Exploring the Authority and Self-Perception of the Early Modern Papacy”) посвящена роли римских пап как миротворцев, примирителей христианского мира (*pacificator orbis christiani*). В эпоху Реформации влияние папства на европейских правителей существенно ослабло, и папа уже не всегда имел возможность выступать в качестве судьи для враждующих

³ Есть русский перевод. См. Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 1–2. М.–СПб.: Университетская книга, 2001.

⁴ Disputes and Settlements: Law and Human Relations in the West / J. Bossy, ed. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1983. — 298 p.

сторон. Шнайдер опирается на типологию разрешения споров, разработанную более 30 лет тому назад антропологом Саймоном Робертсом, в которой проводятся различия между прямыми переговорами, различными формами медиации при разрешении споров и разрешением спора третьей стороной, которая выносит обязательное к выполнению решение, действуя либо по приглашению и взаимному согласию обеих сторон (арбитр), либо *ex officio* вмешиваясь в ситуацию спора с целью его разрешения (судья, адьюдикатор). Как отмечает Робертс, различные формы третейского суда развиваются в Западной Европе со второй половины XII в., однако к XVI в. для разрешения конфликтов в сфере международных отношений активно начинает применяться медиация.

Фактическая неспособность пап разрешать международные конфликты в качестве судей или арбитров, чьим решениям безусловно подчинились бы враждующие стороны, больно била по их авторитету. Поэтому уже начиная с XIV–XV вв. они все чаще пытаются действовать как своего рода «медиаторы», способствующие мирному урегулированию, но не принимающие окончательных решений. В результате в описываемый период папы применяли разнообразные стратегии примирения и могли играть в этом процессе роль судьи, арбитра и медиатора, причем нередко сочетали их. Шнайдер анализирует несколько исторических примеров мирного урегулирования при участии римских пап:

— решение папы Александра VI по спору между испанской и португальской коронами о принадлежности земель, открытых Христофором Колумбом в 1492 г.;

— участие папского легата кардинала Алессандро Медичи (позднее папа Лев XI) в разрешении спора по вопросу о престолонаследии во Франции, когда после убийства Генриха III на французскую корону претендовали король Испании Филипп II, надеявшийся посадить на французский трон свою дочь инфанту Изабеллу Клару Евгению, и Генрих Наваррский, коронованный в 1594 г. как Генрих IV;

— участие папы Климента VIII в разрешении спора между Генрихом IV и герцогом савойским Карлом Эммануилом I по вопросу о том, чьими вассалами следует считать маркизов Салюццо, пограничной территории между Италией и Францией;

— участие посланника папы Урбана VIII в мирных переговорах в Мюнстере в 1648 г., положивших конец Тридцатилетней войне.

На примере этих исторических сюжетов автор убеждается, что папы тяготились необходимостью выступать в роли судей и принимать решение в пользу одной из сторон. Когда папа действовал не напрямую, а через своего представителя, этот представитель старался играть роль медиатора, а не судьи, несмотря на желание той или иной стороны возложить на него это обязательство. Так, кардинал Алессандро Медичи начал переговоры в Вервене с разъяснения своей роли в мирном урегулировании, заявив, что не будет выступать ни в роли судьи (*giudice*), ни в роли арбитра (*arbitrio*), но исключительно в качестве медиатора (*mediatore*) между сторонами с целью «соединить их в любви и взаимопонимании». Когда испанская сторона предложила кардиналу выступить в качестве «судьи и арбитра», он отказался, сославшись на свою роль посланника папы, который является *padre comune* для обеих христианских корон.

Статья Кристиана Кюхнера (“Mediation and Reconciliation among Seventeenth Century High Aristocrats”) рассказывает о практиках примирения у придворной французской аристократии XVII в. Членам высшего общества предписывалось строгое соблюдение кодекса чести и чрезвычайно чувствительное отношение к малейшим обидам или неучтивости, за которые было необходимо отомстить обидчику на дуэли. Возможность физической смерти на дуэли, во всяком случае в теории, для дворянина была намного предпочтительнее, чем несмытая обида, которая могла повлечь за собой даже социальную смерть. В действительности дуэли, однако, можно было избежать: простив обиду или пройдя через ритуал примирения (raccommodement).

В источниках, исследованных Кюхнером, отсутствуют упоминания о том, что какой-то аристократ сам попросил прощения за нанесенную им обиду или напрямую обратился бы к обидчику с предложением примириться — это было бы унижительно само по себе, к тому же несло бы опасность еще большего унижения в том случае, если просьба о прощении была бы отвергнута. В то же время иногда встречаются случаи, когда более знатный аристократ мог простить менее знатного и таким образом избежать конфликта — в этом случае его действия были бы скорее восприняты как проявление милосердия (*clementia*) нежели трусости, однако в случае конфликта между равными по статусу аристократами такая возможность, по всей видимости, была исключена.

В то же время конфликты на почве личной обиды могли иметь далекоидущие последствия: «личные» отношения у французской аристократии имели большое политическое значение, влияя на хрупкие временные коалиции, складывавшиеся при дворе, поэтому и возможность примирения при сохранении лица была весьма востребована в кругу аристократии в том числе в силу политических соображений. Вражда между близкими друзьями при дворе могла негативно повлиять и на их собственное положение, и на положение других игроков, связанных с ними отношениями «публичной дружбы» и заинтересованных в мирном разрешении спора. Важнейшим качеством медиатора считалась его знатность: медиатор не мог быть ниже статусом, чем участники конфликта, в разрешении которого он принимал участие. В обратном случае это было бы для них оскорбительно. В то же время он должен был быть хорошо знаком и находиться в хороших отношениях с обеими сторонами конфликта.

Однако значение придавалось и личным качествам медиатора, в частности, его способности сочувствовать другим людям, понимать их и входить в их положение. Вот, например, воспоминания французского богослова Жака-Бениня Боссуэ о принце де Конде, которому нередко случалось выступать в роли медиатора:

Я не преувеличиваю, говоря о том, что мне случалось видеть, насколько глубоко он был тронут несчастьями своих друзей. Я видел, как он просто и естественно держался, как менялось его выражение лица, когда он слышал рассказы об их неудачах, как он говорил с ними о самых незначительных вещах, словно это были чрезвычайно важные вещи. Во время медиации он умел успокоить несчастные души своим терпением и мягкостью, чего я не ожидал ни от такой темпераментной природы как он, ни от человека столь высокого положения.

На основании источников автору удается реконструировать и то, как выглядела процедура примирения. Иногда один или несколько медиаторов из числа друзей, заинтересованных в мирном разрешении спора, обращались к противоположным сторонам. Так как предложение о медиации исходило от знатного и влиятельного аристократа, то отказ участвовать в примирительной процедуре мог означать неуважение к медиатору. В иных случаях к медиатору обращалась одна из противоположных сторон. Медиаторы по отдельности общались с каждой из сторон. И если обе стороны были согласны на примирение, то медиаторы назначали время и место обязательной личной встречи между ними. Медиаторы могли также принять участие в личной встрече между сторонами, чтобы гарантировать, что встреча не приведет к новому витку конфликта.

Николай Гордийчук